

Содержание

Благодарности	8
1. Введение. Значение этнографии пространства и места и подходы к ней	13
Предварительные замечания	13
Этнографический обзор Юнион-сквер (Нью-Йорк)	16
Пространственное воплощение культуры	24
Структура книги	30
2. Генеалогии. Теоретические концепции пространства и места	33
Введение	33
Генеалогии пространства и места	38
Пространство и место	70
3. Социальное производство пространства	72
Введение	72
Подходы к социальному производству пространства	75
Этнографические примеры	91
Выводы	122
4. Социальное конструирование пространства	124
Введение	124
Теоретические подходы к социальному конструированию	128
Методологии социального конструирования пространства	137
Этнографические примеры	149
Выводы	166
5. Воплощенное пространство	168
Введение	168
Этнографические примеры	193
Выводы	207

6. Язык, дискурс и пространство	209
Введение	209
Язык и пространственные подходы	210
Дискурс и пространство	216
Тексты, ландшафты и искусственная среда	224
Этнографический пример	228
Выводы	250
7. Эмоции, аффект и пространство	252
Введение	252
Эмоции и пространство	256
Аффект и пространство	263
Эмоциональный и аффективный климат и атмосфера	270
Этнографические примеры	276
Выводы	296
8. Транслокальное пространство	298
Введение	298
Глобальное пространство	301
Этнографические примеры	314
Выводы	343
9. Заключение	345
Литература	360

Ради будущего—Александеру, Максу и Скай

Благодарности

Эта книга начиналась с серии бесед с Долорес Хейден, Салли Мерри, а позднее и Нилом Смитом, вызванных их проницательными вопросами о полевых методах, разновидностях данных и построении теории для изучения пространства и места. Важные наблюдения на эту тему представили Дебора Пеллоу, Теодор Бестор, Мэтью Купер, Роберт Ротенберг и Маргарет Родмен как в своих публикациях, так и во время встреч за обеденным столом на ежегодных собраниях Американской антропологической ассоциации. Непосредственное участие в работе над книгой принимала Дениз Лоуренс-Суньига, поделившаяся материалами, которые мы обсуждали и над которыми совместно работали. В процессе написания книги на помощь в прочтении отдельных глав и внесении предложений и замечаний с конструктивной критикой пришли Джефф Масковски, Ида Сассер, Гейли Моуден, Кристин Монро, Ребио Диас, Бабетта Одан, Клэр Панетта, Эва Тешса Удвархейи, Весна Вучинич, Чихсинь Чиу, Асил Савалха, Джессика Уайнгар, Фарха Ганнам, Сара Хэнкинс, Сандра Уэйл, Стефан Тоннела, Сьюзан Шелд и Вейва Аглинскас. Я глубоко признательна всем перечисленным коллегам за интеллектуальную, эмоциональную и содержательную поддержку этого проекта.

В процессе совместного с Лори Олин, а затем и Робертом Ханна преподавания ландшафтнoй архитектуры и участия в работе градостроительных студий в Университете Пенсильвании я выяснила, что ключевыми компонентами в воображении и создании пространств и мест являются обследование территории, построение схем дорожного движения, формирование программ коллективных мероприятий и эскизное проектирование. В работе планировочных студий, лабораторий по дизайну среды, а также в консалтинговых проектах по дизайну мои коллеги способствовали применению этнографических методов, позволявших

добиваться лучшего понимания не только собственно архитектурного, но и социального и культурного аспектов при создании мест; таких мест, которые способствуют раскрытию человеческого потенциала, а не потворствуют неравенству. Значимость этнографических интерпретаций при разработке программ по созданию мест не так давно подчеркивали мои коллеги в Институте Прэтта Рон Шиффмен и Дэвид Бёрни. Хотелось бы поблагодарить этих целеустремленных исследователей за возможность изучить то, как этнографические методы способны играть важную роль в анализе и проектировании искусственной (антропогенной) среды (built environment)¹.

Этнографические примеры, представленные в книге, не состоялись бы без финансирования и командной работы с участием многих специалистов. В особенности хотелось бы поблагодарить за поддержку Службу национальных парков США и отдельно Дорис Фанелли (Национальный исторический парк Независимости), Ричарда Уэллса (Эллис-Айленд), Уильяма Гарретта (парк Якоба Рииса), покинувшего нас Мюриелеа Креспи, бывшего директора Программы по прикладной антропологии Службы национальных парков (Вашингтон, округ Колумбия), а также Ребекку Джозеф и Чака Смита, бывших региональных директоров этнографической программы по Восточному побережью США. Кроме того, благодарю за содействие Аспирантский центр Городского университета Нью-Йорка и Центр экологии человека. Реализовать все эти исследовательские проекты было бы гораздо сложнее без воодушевления Сьюзен Сэгерт и профессионализма Джаред Бекера.

Финансовую поддержку моим этнографическим полевым исследованиям оказывали различные фонды и грантовые организации.

¹ При выборе оптимального варианта перевода идиомы built environment было отдано предпочтение имеющему более терминологический характер словосочетанию «искусственная (антропогенная) среда», хотя в обиходном смысле вполне допустим перевод «застройка». — *Примеч. пер.*

Здесь и далее примечания переводчика и редактора даются в виде ссылок внизу страницы; мелкие пояснения и дополнения переводчика в основном тексте взяты в квадратные скобки. Примечания автора также даются постранично. — *Примеч. ред.*

Исследование истории и этнографии *пласы* в столице Коста-Рики Сан-Хосе (см. главу 3) [Low 2000 / Лоу 2016] было выполнено на средства исследовательского гранта Фонда антропологических исследований Уэннер-Грена, средства Национального фонда стипендиального целевого капитала в гуманитарной сфере, исследовательской стипендии Фулбрайта и стипендии Мемориального фонда Джона Саймона Гуггенхайма. Исследование закрытых жилых комплексов в США (gated communities, см. главу 7) профинансировали Фонд антропологических исследований Уэннер-Грена и Исследовательский фонд Городского университета Нью-Йорка. Исследование рынка на Мур-стрит (см. главу 8) было проведено в рамках одной из инициатив Проекта по развитию общественных пространств Нью-Йорка. Фонд Расселла Сейджа профинансировал пилотное исследование изменений в районе Бэттери-Парк-сити после событий 11 сентября (см. главу 7), а Канадский исследовательский совет по социальным и гуманитарным наукам предоставил средства на проект по жилищным кондоминиумам (см. главу 6), выступивший источником компаративных данных для исследования Рэнди Липперта в Торонто. Я признательна всем фондам, благодаря которым стали возможны эти проекты, а также Университету Пенсильвании и Аспирантскому центру Городского университета Нью-Йорка за оплачиваемые академические отпуска, позволившие мне завершить полевые исследования и описать полученные результаты.

В сборе данных для проектов Службы национальных парков участвовали многие магистранты Аспирантского центра Городского университета Нью-Йорка—многие из них уже сами стали профессорами. В этом списке отдельно хотелось бы отметить таких людей, как Сьюзанн Шелд, Дана Тейплин, Трейси Фишер, Ларисса Хани, Чарльз Прайс, Беа Видач, Мэрилин Диггс-Томпсон, Эйна Апарисио, Реймонд Кодрингтон, Карлотта Паскуали, Кармен Видаль, Кейт Брауэр и Нэнси Шварц. Многие этнографические проекты были реализованы командами, входящими в Группу по изучению общественных пространств. В проекте в Бэттери-Парк-сити участвовали Майк Лэмб и Дана Тейплин, с которыми

я продолжаю сотрудничать. Елена Данайла, Эндрю Кирби, Линмари Бенитес и Мариана Диас-Виончек — участники исследования закрытых жилых комплексов — на тот момент были магистрантами, записавшими множество интервью в Нью-Йорке. Грегори Донован, Джен Джизкинг, Джессика Миллер, Оуэн Тоуз и Хиллари Колдуэлл были участниками двух групп по исследованию жилищных кооперативов (см. главу 6), а Дженнифер Ориц, Хелен Панагиотопулос и Шелли Бачбайндер были задействованы в проекте по кондоминиумам. Я признательна всем этим молодым ученым, которые привнесли в исследовательский процесс положительные эмоции и интеллектуальный напор. Благодаря их идеям, энтузиазму и упорству работа шла вперед даже в те моменты, когда мы сталкивались со сложностями и задержками, и без всех, кого я упомянула, ее бы не удалось завершить.

Кроме того, я хотела бы поблагодарить за предоставленные фотоматериалы Петара Декича (фотографии променада (*корсо*) из города Смедеревска-Паланки в Сербии), Грегори Донована (фотография Юнион-сквер в Нью-Йорке), Бабетту Одан (фотографии рынка на Мур-стрит в Нью-Йорке), Джессику Миллер (фотографии большого кооперативного дома в Нью-Йорке) и Джозела Лефковица, сделавшего много разных снимков, которые использованы в книге. Служба национальных парков, Бри Кресслер, Чихсинь Чиу, Клэр Панетта и Дин Шарп участвовали в подготовке материалов для схем, которые затем обрабатывала и верстала Эрин Лилли, архитектор и магистрантка, являющаяся ассистентом в моих исследованиях. Превосходная работа Эрин над визуальными материалами, иллюстрирующими каждую главу книги, заслуживает высокой оценки.

Для того чтобы книга содержала больше этнографических примеров, многие коллеги разрешили мне подробно цитировать их работы. Среди тех, кого хотелось бы за это поблагодарить, назову таких исследователей, как Чихсинь Чиу, разрешивший использовать его работу о рынке Шилинь в Тайбэе, Бабетта Одан, Родриго Корхадю, Аманду Матлес и Бри Кресслер (полевые материалы по рынку на Мур-стрит), Дорис Фанелли, Дана Тейплин, Сьюзанн Шелд и Трейси Фишер (полевые материалы и публикации

по Национальному историческому парку Независимости), Джессика Уайнгар и Фарха Ганнам (работы, посвященные протестам на площади Тахрир в Каире), Асил Савалха (работы о столице Ливана Бейруте), Сара Хэнкинс (работы о новом главном автовокзале столицы Израиля Тель-Авива) и Габриелла Моуден (публикации и гипотезы о ее жилищном кооперативе в Маунт-Плезанте, Вашингтон, округ Колумбия). Все эти авторы любезно откликнулись на просьбу прочесть те фрагменты книги, где упоминались их работы, и если после этого остались какие-то неточности, то они целиком на совести автора.

На всем протяжении работы над книгой и ее выпуска в печать меня воодушевляла редактор издательства Routledge Кэтрин Онг, находившая блестящих рецензентов, которые помогли сделать текст более качественным. Хотелось бы поблагодарить и эффективного и внимательного помощника редактора Лолу Карр. Когда Кэтрин была в отъезде, за помощь и советы в работе над книгой отвечала ее заместитель Луиза Вахтрик. Руководителю издательского проекта Отэм Сполдинг при помощи выпускающего редактора Рут Берри удалось качественно и своевременно отправить книгу в печать.

Наконец, я хотела бы поблагодарить своего спутника жизни Джоэла Лефковица за любовь и поддержку на всем протяжении моих исследований и написания книги. Это был долгий путь, и Джоэл внес принципиальный вклад в завершение работы и как читатель черновиков, и как редактор, и как человек, который вдохновлял меня двигаться дальше. Он не только ученый, но и профессиональный фотограф; он сопровождал меня во время полевых исследований и сделал много снимков, которые представлены в этой работе. Его вера в значимость моей книги и готовность на все что угодно — от приготовления еды до сканирования, отправки факсов и поиска потерянных ссылок на источники, лишь бы работа была завершена, — имели решающее значение. Я признательна Джоэлу за его юмор и здравый смысл.

1. Введение. Значение этнографии пространства и места и подходы к ней

Предварительные замечания

Этнографическое изучение пространств и мест имеет принципиальное значение для понимания повседневной жизни людей, в чьи дома и места проживания вторгаются глобализация, неравномерное пространственное развитие (uneven development)¹, насилие и социальное неравенство. Эти процессы подталкивают, а во многих случаях и заставляют людей покидать те сообщества и районы, где они выросли, и искать новые места обитания, которые были бы наполнены смыслом и имели потенциал для создания новых идентичностей. Необходимо признать, что критический уровень бедности, неолиберальные структурные реформы и глобальный капитализм порождают такие пространственные эффекты, как миграции вдоль оси «север—юг»², возникновение

¹ Термин «неравномерное развитие» неизбежно подразумевает пространственную составляющую во многом благодаря исследователям школы мир-системного анализа, которые рассматривали разные траектории социально-экономического развития в сопряжении с пространственной дифференциацией центра, полупериферии и периферии глобальной капиталистической системы. Этот термин широко распространен в разных социальных науках, однако наиболее плодотворно применяется в рамках современной политической экономики (Нил Смит, Дэвид Харви и др.) и определяется как систематический процесс, посредством которого социальные и экономические изменения в капиталистических обществах увеличивают богатство одних мест за счет других. Как пишет Нил Смит, «неравномерность развития является отличительной чертой капиталистических обществ, их географической подписью, прямым пространственным переводом логики накопления капитала» (*Smith N. Uneven Development, Geography of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Neil J. Smelser, Paul V. Baltes (eds). Pergamon, 2001.*—Примеч. ред.

² Понятия «глобальный Север» и «глобальный Юг» также восходят к переосмыслению пространственных отношений в глобальном капитализме в мир-системном анализе. Этот вектор приходит на смену более мейнстримому противопоставлению «Запада» и «всех остальных» (the West and the Rest). В современной

лагерей беженцев, джентрификация, приватизация общественных пространств, ориентированные на извлечение прибыли городское планирование и редевелопмент. Под воздействием конкурирующих притязаний на пространства и отдельные места, а также проистекающих из них территориальных и культурных конфликтов происходит трансформация социальных отношений между этническими и религиозными группами, классами, регионами, государствами и жилыми районами. Такие глобальные проблемы, как антропогенные катастрофы, гражданские войны, террористические атаки, изменения климата и прочие экологические бедствия, невозможно отделить от материальных, символических и идеологических аспектов пространства и места.

Кроме того, растущий интерес к этнографии пространства и места проистекает из исследований в таких сферах, как науки об окружающей среде (*environmental studies*), геоинформационные системы (GIS), городские исследования, мир-системный анализ, изучение миграции, технологии строительства/проектирования, и в других областях, связанных с концепциями пространства, места и территории. Можно привести даже пример из области медицины, где внимание к значимости пространства и места привлекли результаты исследований трех ученых, которые в 2014 году были удостоены Нобелевской премии по физиологии и медицине за изучение «внутренней GPS [системы глобального позиционирования]» мозга, позволяющей ориентироваться в окружающем пространстве не только лабораторным крысам, но и человеку. Еще в 1971 году профессор Джон О'Киф обнаружил структуры, названные им клетками (нейронами) места, и «продемонстрировал, что эти клетки фиксировали не только видимое, но и незримое для них, выстраивая внутренние карты в различных средах» (Altman 2014). В 2005 году профессора Эдвард и Мэй-Бритт Мозер выявили еще один компонент присутствующей в мозге системы

социальной науке это разделение нередко критикуется за упрощенное представление глобального капиталистического развития, но при этом также часто используется (похожие дискуссии возникают вокруг терминов «постсоциалистические страны», «глобальный Восток» и др.). — *Примеч. пер.*

позиционирования, открыв нервные клетки, которые отвечают за координацию и ориентацию, — они получили название клеток (нейронов) решетки (Altman 2014). В этих исследованиях постулируется биологическая основа ориентации в пространстве и делается более существенный акцент на человеческом опыте пространства и места. Даже в области архитектуры, где застройка и пространственные отношения зачастую предопределяются формальными принципами проектирования, не связанными с опытом и предпочтениями людей, состоялось возрождение представлений о пространстве с точки зрения культуры. О внимании же к категории места (place) свидетельствует появление в архитектурных и дизайнерских вузах курсов и программ по «созданию мест» (place-making) (Weir 2013).

Все более уверенным становится и понимание значимости этнографии в качестве методологии для решения социально-пространственных проблем и публичной политики. Среди представителей социальных наук уже звучали призывы к более ангажированной этнографической практике и приверженности целям социальной справедливости (Low 2011, Low and Merry 2010), к созданию публичной антропологии, нацеленной на выявление расовых предрассудков и расизма (Mullings 2015), и публичной социологии, выходящей за рамки традиционных количественных прикладных исследований (Vugawou 2005 / Буравой 2008). Как утверждает Дидье Фассен, «этнографический подход особенно актуален для малоисследованных сегментов общества», поскольку он «проливает свет на неизвестное», одновременно «подвергая допросу очевидное» (Fassin 2013: 642). Этнографические исследования получают признание даже в рамках международной системы правосудия благодаря их применению для мониторинга нарушений прав человека и фиксации нарастающего во всем мире ощущения небезопасности (Goldstein 2012, Merry et al. 2015). Способность этнографии давать точные описания и проводить исследования, учитывающие разные точки зрения, обеспечивает гибкость и нестандартность подхода к сложностям сегодняшних социальных отношений и культурных контекстов. Этнография пространства и места в качестве

Ил. 1.1. Юнион-сквер (Грегори Т. Donovan)

подраздела этого методологического комплекса обладает не только всеми перечисленными особенностями, но и потенциалом для интеграции материальности и смыслов человеческих действий и практик в локальном, транслокальном и глобальном масштабах.

Этнографический обзор Юнион-сквер (Нью-Йорк)

Одним из способов оценить возможности этнографии пространства и места является обращение к какой-либо уже существующей локации и тем исследовательским вопросам и интригующим взаимосвязям, которые сразу же возникнут перед нами. Например, что привлекает ваше внимание при рассмотрении снимка Юнион-сквер в Нью-Йорке (ил. 1.1)? Видите ли вы прежде всего городскую площадь в окружении высотных зданий, построенных по проектам известных архитекторов, широкие тротуары, вдоль которых расположены модные магазины, и заполненные автомобилями улицы — или же вы сосредоточитесь на людях, которые собираются в этом месте, и многообразии их занятий? Увлечены

ли вы разноплановой фактурой и обстановкой этого места (одни участки площади покрыты деревьями и травой, а на других располагаются памятники, киоски, торговые точки и навесы при разнообразии тротуарной плитки и ступенек) — или же вас больше интересуют границы этого пространства, присутствующая в нем материальная инфраструктура, наличие точек доступа в интернет и камер видеонаблюдения? Вспоминается ли вам опыт нахождения в похожей локации в другое время и в другом месте — или же вы пытаетесь зафиксировать свои ощущения здесь и сейчас? С чего бы вы начали изучение или переосмысление этого общественного пространства?

Для ответа на эти вопросы существует множество этнографических подходов. Есть ли у вас особый интерес к истории этого места: хотите ли вы узнать, когда и при каких обстоятельствах происходила его застройка? Или, быть может, вы размышляете о том, какие политические решения принимались при выделении средств и проектировании этого места, осуществлялось ли его финансирование и содержание за государственный или частный счет? Подобные типы вопросов относятся к исследовательскому подходу, в основе которого лежит концепция социального производства пространства.

Теперь представим, что вас занимает совсем другой вопрос: почему так много людей стекаются в одни места, а не в другие, — а еще вы хотите узнать, кто все эти люди, чем они занимаются и о чем думают. Либо, возможно, вы хотите больше узнать о том, какой смысл имеет эта городская площадь для тех, кто ее посещает, а также для людей, живущих неподалеку или даже в пригородах. Является ли это пространство комфортным для одних людей и не вызывает ли оно у других ощущение исключенности (exclusion) — нахождения не на своем месте? Вопросы, относящиеся к группам людей, их социальной активности и повседневным смыслам, формируют социально-конструктивистский подход к исследованию пространства.

Следующая разновидность вопросов проясняет то, каким образом некое место трансформирует опыт оказавшегося здесь

человека. Есть ли разница в том, какие ощущения эта площадь рождает у ее жителей, туристов или, скажем, «цветной» молодежи? Меняет ли восприятие людьми этой площади то, что о ней говорят? Как влияет на ощущение этого места бесцельное шатание по нему либо целеустремленное движение в каком-то направлении? Как физическое пространство становится частью социального мира, а социальность места одновременно обретает материальное качество? Эти типы вопросов относятся к аффективному, дискурсивному, телесному и транслокальному подходам к изучению пространства и места.

В этой книге будут представлены многочисленные варианты ответов на перечисленные вопросы, опирающиеся на различные генеалогии, теоретические позиции и этнографические исследования. Отправной точкой для этих способов осмысления пространства являются два сложившихся подхода: 1) социальное производство пространства и искусственной среды (*built environment*) и 2) социальное конструирование пространства и создание места (*place-making*). Однако мы не будем ограничиваться этими подходами и перейдем к рассмотрению пространства при помощи теорий, в основе которых лежат тело (воплощение), дискурс, транслокальность и аффект. Исходная гипотеза заключается в том, что пространство одновременно является как социально сконструированным, так и материальным и воплощенным феноменом, в связи с чем наша задача состоит в разработке концептуального каркаса, который сводит эти идеи воедино, — пространственного воплощения культуры (*spatializing culture*).

В основе этой работы лежит представление о том, что этнографы обладают преимуществом в понимании пространства и места, поскольку начинают исследования с полевого этапа. Вне зависимости от того, идет ли речь о долгосрочном исследовании или же об этнографической экспресс-оценке того или иного места¹, о многофокусном анализе региона или о сравнении контуров

¹ Подробнее о методологии этнографической экспресс-оценки, или REAP (*Rapid Ethnographic Assessment Procedure*), Сета Лоу пишет в главе 4, посвященной подходам к социальному конструированию пространства. — *Примеч. ред.*

мобильности и перемещений, этнографы погружены в свойственную полевой работе непосредственность материального мира и человеческих субъективностей. Возникающие из «осадочно-го материала» этнографических исследований концепции пространства и места опираются на преимущества изучения жизни людей *in situ* [в естественных условиях (*лат.*)], которое дает насыщенные и детализированные социально-пространственные интерпретации. Несмотря на то что разногласия по поводу эпистемологических вопросов, принципов формирования данных и форм репрезентации порой усиливают различия в концептуальных позициях, немаловажно признать, что этнографические исследования пронизаны общим опытом полевой работы и императивом «работы на земле».

В рамках этой общей структуры задействуется социокультурная точка зрения на пространство и место, которая опирается на характерные для социальной науки и проектной деятельности (*design profession*) представления и определения, но при этом сохраняет некоторую строгость в дефинициях. Эта точка зрения ставит во главу угла гибкую и зависящую от контекста концепцию культуры, использование этнографии в качестве основополагающей методологии и отдает предпочтение «обоснованной» теории¹, рождающейся из данных в диалоге с доминирующими концептуальными основаниями. В этой книге будет представлен сложный спектр теорий пространства и места, однако существуют лейтмотивы, которые скрепляют эту сферу воедино. Просвещение

¹ Обоснованная теория (*grounded theory*) в рамках социальных наук представляет собой методологию исследования, предполагающую построение теории на основе анализа собранных данных. Возникновение этой методологии восходит к дискуссиям 1960-х годов о количественных и качественных методах в социологии. В отличие от многих количественных исследований, построенных на тестировании уже существующих теорий, качественная методология (как и обоснованная теория) предполагает построение гипотез одновременно с полевым этапом (или после него). При этом методы сбора и анализа данных в таком исследовании четко прописываются и контролируются. См. на русском: *Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — Примеч. ред.*

этих лейтмотивов и диспозиций расширяет возможности рассмотрения и формулировки вопросов о пространстве и месте, отличающих этнографические исследования от деятельности наших коллег из других дисциплин, которые сталкиваются с иными вызовами. Например, Дэвид Харви в своей работе «Пространства глобального капитализма» затрудняется с определением пространства, утверждая, что это понятие обладает настолько усложненным набором значений, что есть риск «потерять себя в этом лабиринте» (Harvey 2006: 119). Проблема заключается в том, что Харви движется от марксистских представлений об абстрактном пространстве в направлении реляционных концепций, а в таких теоретических изысканиях зачастую сложно прийти к финальному решению. В свою очередь, Долорес Хейден в известной книге «Сила места» бьется над определением места (place), называя это слово «одним из самых коварных в английском языке, напоминающим чемодан, настолько набитый вещами, что его невозможно закрыть» (Hayden 1995: 15). Хейден вникает в социальные, исторические и архитектурные характеристики места, применяя методы, в которых для понимания его значения делается акцент на эволюции строительных технологий, планировочных стратегий и политики дизайна.

Этнографы, располагаясь между двумя этими интеллектуальными традициями, способны продуктивно черпать идеи из обеих. Они одинаково легко обращаются и с факторами формирования материального пространства в политэкономических марксистских подходах, и с историческими описаниями антропогенной среды, и с живым опытом отдельных людей, порождающим связанные с местом смыслы. Разумеется, исследование пространства и места — задача не из простых, к тому же она усложняется сохраняющимися разногласиями относительно того, какое из этих двух понятий — пространство или место — является приоритетным и какова природа их отношений. Тем не менее этнографы обладают уникальным и особенно полезным преимуществом — привязкой к полевой работе. Без эмпирического «заземления» в пространстве и правда легко потеряться или остаться с чемоданом

без ручки. Поэтому цель моей книги заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом этнографические исследования и методология уже использовались для понимания пространства и места, а также доказать, что этнография обеспечивает уникальный и ценный подход к такому междисциплинарному предприятию, как изучение пространства и места.

Пространство как вместилище культуры являлось значимым понятием уже для первых представителей научной этнографии, оставивших описания антропогенной среды, например для Люиса Генри Моргана и его работы «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» (Morgan 1881 / Морган 1934). Исследования пространственных форм и моделей расселения также включались в сравнительные описания материальной культуры в качестве одного из элементов кросс-культурных исследовательских проектов наподобие работы Джорджа Мердока «Этнографический атлас: краткое изложение» (Murdock 1967). Архитектура коренных народов, пространственная организация деревень, планировка жилья — все это в качестве манифестаций культуры относилось к комплексу материальных особенностей, которые делают возможной адаптацию к физической среде (Rapoport 1969).

Кроме того, пространство выступало частью этнографических оснований антропологии и социологии в работах Эмиля Дюркгейма (Durkheim 1965 / Дюркгейм 2018) и Марсея Мосса (Mauss and Beauchat 1979 [1906]), которые считали искусственную среду неотъемлемой частью социальной жизни (Lawrence and Low 1990). «Этнография спасения»¹ Франца Боаса (Boas 1964 [1888]) и таких его учеников, как Лесли Спайер (Spier 1933) и Альфред Крёбер (Kroeber 1939), содержала масштабное документирование использования и значения пространственных отношений. Эти пространственные описания рассматривались в качестве фона для повседневных занятий, предоставляющего данные для теорий

¹ Работы Франца Боаса (1858–1942) и его последователей получили название этнографии спасения, поскольку зачастую они были посвящены культурам, находившимся на грани исчезновения, — например, коренных народов Америки. — *Примеч. пер.*

историко-культурных областей (culture-area theories), где различные характеристики культуры связывались при помощи символизма, географических локусов и маршрутов миграции.

Одна из причин исходных сомнений некоторых современных этнографов относительно использования пространственного концептуального аппарата заключалась в предполагаемой индексальной зависимости (indexicality)¹ между людьми и местом, затрудняющей рассмотрение пространства или места таким способом, который бы не сводился к его обитателям. Арджун Аппадураи (Appadurai 1988) и Маргарет Родмен (Rodman 1985, 1992) справедливо критиковали этнографические исследования места и пространства, в которых они оказывались само собой разумеющимися декорациями, куда помещались описания, либо когда этнографическое исследование сводилось к некоей локации, где коренное население как бы пребывало «в заточении». Как указывал Альберто Корсин Хименес, «„коренное население“, безвылазно остающееся в пределах той или иной территории, на самом деле перемещается точно так же, как и люди, которые вытеснены из своих мест или мигрируют» (Jiménez 2003: 140). Кроме того, Хименес критиковал подразумеваемое индексальное отношение между той или иной культурной группой и ее географической локацией. Вместо этого современным этнографам требуется гибкая и мобильная концепция пространства, которая учитывает способности исторического и материального производства пространства, а также то, какое влияние на создание пространства оказывают перемещения, мечты и желания людей, социальное взаимодействие и взаимоотношения в окружающей среде. Хотя поначалу этнографы относили пространство к описанию материального окружения, современная этнография пространства и места ориентирована на процесс, основой ее выступают личность, объект

¹ Понятие индексальности относится к классификации знаков у основателей американской семиотики Чарльза Сандерса Пирса и Чарльза Морриса, которые выделяли такой тип знаков, как индексы. В частности, Моррис относил к индексальным такие знаки, которые указывают на некий уникальный, единственный в своем роде объект. — *Примеч. пер.*

и сообщество, а также она допускает множество форм агентности и политических возможностей.

Одним из выходов является признание того, что место и пространство всегда обладают той или иной воплощенностью (embodied). Их материальность может быть не только физически локализованной и тем самым налично присутствующей, но и метафорической и дискурсивной. Включение в пространственный анализ воплощенности, «в которой тело является субъективным источником или интерсубъективной основой опыта» (Csordas 1999: 143), проблематизирует пространство и место, в результате чего появляется возможность для исследований на разных уровнях. Именно при помощи воплощенного пространства глобальное интегрируется в повседневную жизнь, вписанную (inscribed) в ту или иную территорию. Итак, мы предлагаем концептуальное осмысление пространства и места, выявляющее воплощенные пространства индивидов и групп в качестве средоточий транслокальных и транснациональных пространственных потоков, а также личного опыта, практики создания места (place-making) и восприятия. Это отчасти позволит устранить ту неоправданную укорененность пространства и места, которая обнаруживается в предшествующей антропологической и социологической мысли.

Наше рассмотрение понятий пространства и места базируется на работах философов, социальных теоретиков, географов, специалистов по психологии среды (environmental psychology)¹,

¹ Распространенный перевод понятия environmental psychology как «экологическая психология» представляется не вполне точным, хотя и контекстуально допустимым. Необходимо учитывать, что в современном русском языке слово «экология» устойчиво ассоциируется с охраной природы (вплоть до пресловутой «борьбы за экологию»), тогда как в английском понятие ecology во многом синонимично понятию environment (окружающая среда). Более точный вариант был предложен в переводе одной из первых вышедших на русском языке работ из этой области исследований, книге чешского исследователя Михала Черноушека «Психология жизненной среды» (оригинальное издание — 1986 год, см. на русском: Черноушек М. Психология жизненной среды / Пер. с чеш. И. И. Попа. М.: Мысль, 1989), где, в частности, утверждалось, что «психологии окружающей среды, или экологической психологии, как отрасли науки с четко выраженными чертами до сих пор нет». Поэтому в настоящем

архитекторов и антропологов, которые уже обращались к обозначенному кругу вопросов и предложили продуктивные аналитические описания (они будут рассмотрены в главе 2). Однако значительная часть подобных работ отличается абстрактностью, и даже несмотря на их провокативный характер, они не всегда соответствуют потребностям этнографических и других эмпирических исследований. Поэтому важным моментом является и то исходное условие, что этнография пространства и места обеспечивает методологическое и практическое руководство для полевых исследователей.

В то же время этнографы и полевые исследователи зачастую не участвуют в теоретических дискуссиях о пространстве и месте, поскольку их этнографические и этноархеологические описания непросто включить в макротеории пространственного анализа. В этой книге будет оспорено представление о том, что детализированные и тщательно просеянные этнографические данные имеют периферийное, а не центральное значение для развития теории. Для этого нам потребуется показать способы, при помощи которых этнографы осуществляют пространственное воплощение культуры (*spatialize*), и тем самым раскрыть их теоретический и методологический потенциал.

Пространственное воплощение культуры

Рассмотренные сюжеты — дальнейшая разработка концептуальной структуры этнографического подхода к пространству и месту, а также включение в него представления о воплощенном пространстве, одновременно материальном и переживаемом в опыте, — формируют «строительные леса» этой книги. Реализация этих задач осуществляется при помощи глубинного

переводе был сделан выбор в пользу нейтрального варианта «психология среды». В то же время стоит отметить, что в последние годы в русском языке в связи с модой на создание корпоративных «экосистем» происходит определенное сближение семантического поля корня «эко» с базовым значением английского слова *environment* (окружающая среда). — *Примеч. пер.*

анализа «пространственного воплощения культуры» — концепции, возникшей из моей работы о городской площади (*plaza*) в Латинской Америке (Low 2000 / Лоу 2016) и этнографического описания социально-пространственной организации и социальных институтов в обществах Западной Африки у Деборы Пеллоу (Pellow 2002). Благодаря последующим исследованиям и теоретическим построениям понятие «пространственное воплощение культуры» превратилось в многомерный каркас, включающий все перечисленные выше подходы к категориям пространства и места — с точки зрения социального производства и социального конструирования, а также телесный, дискурсивный, эмоционально-аффективный и транслокальный подходы. Под «пространственным воплощением» я понимаю производство и размещение в пространстве — в материальном, историческом, аффективном и дискурсивном смыслах — социальных отношений, институтов, репрезентаций и практик. «Культура» в данном контексте означает множественные и обусловленные конкретными обстоятельствами формы знания, власти и символизма, которые охватывают взаимодействия людей и нечеловеческих акторов (*human and nonhuman interactions*), материальные и технологические процессы, а также когнитивные процессы, включая мысли, верования, воображение и восприятие.

Понятие пространственного воплощения культуры полезно не только в качестве концептуального каркаса: оно еще и представляет собой мощный инструмент выявления социальной несправедливости и различных форм социального исключения. Кроме того, как демонстрируют приведенные в книге этнографические примеры, оно может способствовать вовлечению людей в решение общественных проблем, поскольку пространственные исследования дают как отдельным людям, так и сообществам средства для подлинного понимания тех привычных мест повседневного опыта, где мы живем, работаем, совершаем покупки и общаемся. Концепция пространственного воплощения культуры представляет собой не только академическое начинание — оно еще и дает основу для различных форм низового городского активизма или

противостояния архитектурным, градостроительным и проекторочным интервенциям, способным уничтожать архитектурные средоточия социальной жизни, стирать из ландшафта культурные смыслы и ограничивать участие местного сообщества в формировании антропогенной среды.

По сути, пространственное воплощение культуры представляет собой диалогический процесс, который связывает социальное производство пространства и природы, а также социальное развитие антропогенной среды (King 1980, Lefebvre 1991 / Лефевр 2015, Low 1996, Smith 1984) с социальным конструированием смыслов пространства и места (Kuper 1972, Lawrence and Low 1990, Rodman 1992, Rotenberg and McDonogh 1993, Pellow 1996, 2002). Пространственное воплощение культуры сводит воедино социальный, экономический, идеологический и технологический аспекты формирования материальной среды с феноменологическим и символическим опытом, опосредованным социальными процессами наподобие обмена, конфликта и контроля. Материалистический акцент, присутствующий в концепции социального производства, полезен для понимания и определения особенностей исторического и политэкономического формирования городского пространства, тогда как концепция социального конструирования указывает на наделение пространства смыслом посредством языка, социальных взаимодействий, памяти, репрезентации, поведения и повседневного использования. В силу экономических, политических и идеологических причин и социальное производство, и социальное конструирование оказываются полем разногласий и конфликтов (Low 1996, 2000 / Лоу 2016).

Однако в исходной формулировке концепции пространственного воплощения культуры не принимались во внимание те способы, при помощи которых человеческие и нечеловеческие тела также производят, воспроизводят, формируют и собирают вокруг себя пространство и место (Amin 2014, Amin and Thrift 2002 / Амин и Трифт 2017, Butler 1993, Simone 2006). Рамку пространственного воплощения культуры размыкает телесный подход, который тела рассматривает как мобильные пространственные поля, состоящие

из пространственно-временных единиц, наделенных чувствами, мыслями, предпочтениями и намерениями, а также неосознаваемыми культурными верованиями и практиками. Люди и нечеловеческие акторы создают пространство при помощи своих тел и их мобильности, задавая значение, форму, а в конечном итоге и устойчивые модели повседневных движений и траекторий, которые воплощаются в конкретных местах и ландшафтах (Massey 2005, Munn 1996, Pred 1984, Rockfeller 2009).

Добавление лингвистического и дискурсивного подходов, в центре которых находятся способы категоризации и языковой репрезентации пространства, задает дальнейшее расширение концепции пространственного воплощения культуры. Это расширение происходит благодаря исследованию того, каким образом для трансформации пространств и пространственных практик используются речь и медиа (Duranti 1992, Hall 1968, Modan 2007). Аналогичным образом эмоции и аффекты играют ключевую роль в трансформации пространства и места при помощи досознательных, неосознаваемых и осознанных процессов, которые придают экспрессию поведению и практикам, влияют на них, а также обуславливают передачу и циркуляцию ощущений (Anderson 2009, Ramos-Zayas 2012, Thrift 2008).

Окончательная модификация диалогической модели представляет собой переосмысление категорий пространства и места сквозь обладающую двумя фокусами «оптику» — глобальной и локальной перспективы. Последствия глобализации оказались более масштабными, чем структурная перестройка экономик и национальных государств (nation-states) в результате пространственно-временного сжатия и стремительного ускорения обращения капитала, труда и людей. Помимо этого, глобализация производит новые разновидности пространств, таких как особые экономические зоны и налоговые гавани, представляющие собой самодостаточные и самоуправляемые пространственные локации (Looser 2012). В то же время транснациональные и виртуальные сети, силу которых определяют технологии мгновенной коммуникации и социальные медиа, создают различные формы

транслокального пространства, позволяющего людям одновременно жить во множестве мест и получать соответствующий опыт. Добавление транслокального подхода, преодолевающего географическую привязку и описывающего человеческую и нечеловеческую материальность в контексте пространственно-временного сжатия, наделяет концепцию пространственного воплощения культуры более значительным потенциалом при обращении к глобальным реалиям будущего.

Выбрать наилучшую репрезентативную характеристику для всей этой рамочной структуры оказалось проблематично, поскольку для обозначения различных аспектов пространственного воплощения культуры может быть использовано множество понятий: перспективы, подходы, измерения или сферы. Например, понятие «сфера» (domain) выглядит слишком статичным, как будто способы изучения пространства и места обладают четкими и не наслаивающимися друг на друга границами, а понятие «измерение» (dimension) подразумевает возможность порядковых оценок или наличие континуума, которого еще не существует. Такие термины, как «перспективы» или «подходы», являются неуместно размытыми. Поэтому более адекватной представляется метафора концептуальной рамки, или «оптики», указывающей на фокусы исследования, а также на способы поиска и структурирования исследовательских вопросов. Отдельно взятая концептуальная «оптика» многовариантна, ее границы проницаемы, но при этом она заставляет исследователя сконцентрироваться на каком-то особом аспекте изучаемого явления и тем самым выступает в качестве руководящего инструмента в сложном поле исследований пространства и места. Каждая такая концептуальная рамка обеспечивает отдельный подход к описанию, объяснению и применению обнаруженных результатов и подразумевает использование особых этнографических методов и техник.

Такой подход позволяет организовать материал книги вокруг пространственного воплощения культуры как каркаса, состоящего из различных концептуальных рамок, рассмотрение каждой из которых подразумевает три цели. Во-первых, необходимо

проследить разработку той или иной рамки в уже существующих исследованиях, оценить ее сильные стороны и ограничения. Каждая рамка обеспечивает особую «оптику» для изучения пространства и антропогенной среды, наряду с эпистемологическими проблемами и методами, которые, не будучи взаимоисключающими, делают акцент на разных теоретических конвенциях и техниках производства знания.

Вторая цель заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом этнография способна прояснить каждую из этих рамок и дать представления о конкретных локациях и проблемах. Для этого в текст включены этнографические примеры, которые выступают иллюстрациями излагаемых в книге теорий. Одновременно при рассмотрении этих примеров мы обратимся к двум методологическим вопросам, возникающим при изучении пространства и места: 1) каким образом та или иная концептуальная рамка формирует отдельно взятый исследовательский проект и 2) как этнографическое исследование помогает уточнить избранный подход и сделать его более практичным.

Анализ каждой концептуальной рамки дает основание для третьей цели, заключающейся в том, чтобы продемонстрировать, каким образом эти рамки пересекаются и налагаются друг на друга. Например, концептуальная рамка воплощенного пространства интегрирует материальное/биологическое и испытывающее ощущения тело с восприятиями, мыслями, намерениями и чувствами, которые формируются социокультурными навыками/практиками и локальной/глобальной средой и в то же время выступают их противовесом. Именно так рамка воплощенного пространства соединяется с рамками социального производства и конструирования, аффекта и транслокальности. Моя книга представляет собой начальный шаг в разработке подобных моделей и методологий пространства и места, в особенности в части их применения к этнографическим исследованиям и политическому активизму.

Ограничения, продиктованные объемом книги, заставили принимать непростые решения о том, какой материал включать в текст, а какой оставить за его пределами. Генеалогии

пространства и места, представленные в главе 2, очерчивают те интеллектуальные традиции, которые оказывают влияние на используемые в этой работе концепции пространства и места. Опираясь на опыт моих этнографических исследований, читатели, заинтересованные в появлении обоснованной теории, смогут проследить, как идеи и методы эволюционируют в пределах исследовательского поля — собственно, этот момент и отражается как в ходе длительной полевой работы, так и в проектах прикладных исследований. Дополнительные этнографические примеры из уже опубликованных работ моих коллег, работающих по всему миру, позволят увидеть, каким образом пространственное воплощение культуры осуществляется в совершенно разных этнографических контекстах. Шесть перечисленных выше подходов (социальное производство, социальное конструирование, воплощение, язык и дискурс, эмоции и аффекты, транслокальность) и множество задействованных в исследованиях сред (площади, парки, жилье, мемориалы, районные сообщества, центры городов, рынки, железнодорожные и автобусные вокзалы) — все это способствовало моей исследовательской и преподавательской деятельности. Значительная часть моей полевой работы происходила на Американском континенте (Северная и Южная Америки), поэтому читателю следует учесть, что данное ограничение отразилось на представленных в книге литературе и примерах.

Структура книги

При изучении пространства и места исследователи из области социальных наук зачастую исходят из перспективы социального конструирования, которая подчеркивает роль социального взаимодействия, символов и языка в придании формы и смысла физическому пространству. Данная позиция особенно плодотворна для исследования процесса создания конкретных мест (place-making) и социального значения пространства, однако она не лишена недостатков. Социальное конструирование не обращается к материальности, имеющей основополагающее значение

для политического, экономического и исторического подходов, таких как социальное развитие антропогенной среды (King 1980), марксистский исторический материализм (Harvey 1976, Smith 1984) и социальное производство пространства (Lefebvre 1991 / Лефевр 2015).

Ученые и исследователи, в особенности те, кто отдает должное марксистской, материалистической и исторической точкам зрения, с большей вероятностью приступят к делу с позиций политической экономии и истории пространства. Точка зрения, в основе которой лежит социальное производство, делает акцент на истории и политической экономии искусственной среды и ландшафта, раскрывая глубинные причины того, как и почему они появились, кому (например, государству или людям) или чему (например, землетрясениям или строительной технике) они обязаны своим существованием и когда все это произошло. Такой подход дает материалистическое толкование способов восприятия, обустройства и формирования пространства. Подходы, в основе которых лежит концепция социального производства, не обязательно исключают социально-конструктивистские интерпретации, поскольку материальная среда наделяется смыслом при помощи репрезентационных и символических процессов. Однако доктрина социального производства постулирует, что материальность играет первоочередную роль, задавая форму процессам социального конструирования посредством специфических механизмов власти, практик гегемонии, экономических стратегий, политического и военного контроля.

Обе эти концептуальные рамки — социальное конструирование и социальное производство — широко используются в этнографических исследованиях пространства и места: именно на них приходится основная масса работ в этой сфере. Другие представленные в книге позиции еще не настолько состоялись и являются более абстрактными — в частности, речь идет о подходах, основанных на воплощенном пространстве и процессе создания мест (place-making), языковом и дискурсивном анализе пространства и места, эмоциональном и аффективном аспектах пространства

и среды, а также на влиянии пространственно-временного сжатия на транснациональные и транслокальные места. Некоторые из указанных концептуальных рамок, в особенности воплощенное и транслокальное пространство, любопытным образом объединяют эмпирическое, социальное и материальное измерения пространства и места. К ним мы обратимся более подробно в заключительной главе, рассмотрев их в качестве одного из аспектов многослойной методологии, формирующей этнографию пространства и места.